

ЯНА
ЮМАТОВА

ДИАГНОЗ:
Второй шанс

Яна Юматова

Диагноз: второй шанс

<https://litres.ru/74375053>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ярослав Михайлович, это кандидат на должность педиатра, Морозова Дарья Владимировна, – представляет меня помощница, приглашая внутрь.

Вхожу в кабинет главврача, и в груди что-то резко обрывается, будто я промахнулась мимо ступеньки.

За огромным столом, в безупречном костюме, с планшетом в руках сидит человек, которого я надеялась больше никогда не увидеть.

Пялюсь на Ярослава, не в силах сказать даже элементарного здравствуйте, потому что не могу поверить в реальность происходящего.

Мой первый начальник.

Мой первый мужчина.

Отец моего ребёнка.

Человек, с которого началась моя взрослая жизнь. И тот, от кого я бежала, не оглядываясь...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Яна Юматова

Диагноз: второй шанс

ГЛАВА 1

Черт, я опаздываю!

В самый важный день за последние шесть лет я умудряюсь не услышать будильник, пролить кофе на единственную приличную блузку и потратить двадцать минут на поиски Радиной заколки в виде бабочки, без которой дочка отказывается идти в сад.

— Радужка, родная, ну пожалуйста! — умоляю я, натягивая на дочку колготки. — Возьми божью коровку, она тоже красивая!

— Не хочу божью коровку! У Таньки божья коровка. Хочу бабочку! — пятилетняя упрямецка скрещивает руки на груди, и я вижу в этом жесте ее отца. Тот самый упрямый подбородок, те же серые глаза, то же «я сказал — значит будет так».

Нахожу бабочку под диваном, заплетаю дочке косичку на бегу, хватаю ее и сумку, вылетаю из квартиры.

На улице промозглый январский ветер бьет в лицо, снег с дождем превратили тротуар в месиво из грязной каши. Небо серое, тяжелое — типичный петербургский январь.

Зонт бесполезен в такую погоду, но я все равно раскрываю его, пытаюсь хоть как-то защитить Раду.

— Мама, а может побежим? — дочка подпрыгивает, пытаясь наступить в лужу со слякотью.

— Побежим, котик. Быстро побежим.

В автобусе я пытаюсь привести себя в порядок. Вытираю салфеткой тушь, потекшую под глазами, поправляю волосы. Смотрю на отражение в телефоне и едва сдерживаю стон. Господи, на кого я похожа? Уставшая женщина под сорок, хотя мне всего тридцать два. Вот что делают с тобой шесть лет одиночного материнства.

— Мам, а куда ты сегодня идешь? — спрашивает Рада, устраиваясь у меня на коленях.

— На собеседование, котенок. На новую работу.

— А там будут больные детки?

— Будут. Я буду их лечить.

— Как меня, когда у меня горло болело?

— Именно так.

Она довольно кивает и прижимается ко мне. Обнимаю ее покрепче и чувствую, как внутри все сжимается. Все ради нее. Новая работа, втрое большая зарплата, наконец-то нормальная квартира вместо этой съемной коробки, может быть, даже отпуск на море...

Если меня возьмут.

Если я не растеряюсь на собеседовании.

Если...

Завожу Раду в садик, целую раз двадцать, обещаю забрать пораньше. Она убегает к ребятам, и я, наконец, могу перевести дух.

Смотрю на часы. Черт. До собеседования полчаса, а ехать еще двадцать пять минут.

Вызываю такси. Трачу последние деньги с карты, но какая разница? Если возьмут — отобьется за два дня. Если нет... Не хочу об этом думать.

Клиника «МедЛайф» поражает с порога. Огромное светлое здание из стекла и бетона, внутри пахнет дорогим кофе и свежими цветами. Ничего общего с моей районной поликлиникой, где в нос бьет хлоркой и сырыми стенами. Обтираю мокрые сапоги о коврик, стряхиваю снег с пальто.

— Вы к кому? — приветливо спрашивает девушка на ресепшине.

— К... к Анне Сергеевне Ивановой на собеседование. Морозова Дарья.

— Четвертый этаж, кабинет 403. Лифт направо.

В зеркале лифта снова пытаюсь привести себя в порядок. Взбиваю волосы, примявшиеся под шапкой, и убеждаю себя, что все будет хорошо. Я хороший врач. Я справлюсь.

Анна Сергеевна встречает меня улыбкой. Мы говорим о моем опыте, о пациентах, о методах лечения. Она задает вопросы, я даю правильные ответы. Чувствую, что нравлюсь ей.

— Отлично, Дарья Владимировна, — наконец говорит

она. — Ваше резюме впечатляет. Рекомендации тоже. Осталась последняя формальность — вам нужно получить одобрение главного врача.

Главный врач. Ну да, логично. В такой клинике наверняка все проходят через главврача.

— Конечно, — киваю я.

Мы идем по коридору. Анна Сергеевна перечисляет бонусы, рассказывает про технику и порядок выплаты зарплаты и премий. Я слушаю, но смысл ускользает — всё внимание уходит на дыхание и на то, чтобы не выдать, как сильно меня трясёт.

Останавливаемся у двери с табличкой «Главный врач».

Анна Сергеевна стучит и открывает дверь.

— Ярослав Михайлович, это кандидат на должность педиатра, Морозова Дарья Владимировна. Отличный специалист, рекомендую.

Я делаю шаг внутрь, и в груди что-то резко обрывается, будто я промахнулась мимо ступеньки.

За огромным столом, в безупречном костюме, с планшетом в руках сидит человек, которого я надеялась больше никогда не увидеть.

Пялюсь на Ярослава, не в силах сказать даже элементарного “здравствуйте”, потому что не могу поверить в реальность происходящего.

Мой первый начальник.

Мой первый мужчина.

Отец моего ребёнка.

Человек, с которого началась моя взрослая жизнь. И тот, от кого я бежала, не оглядываясь.

Он поднимает взгляд, видит меня — и замирает тоже. В его серых глазах мелькает удивление, потом что-то еще. Гнев? Облегчение? Не понимаю.

Время растягивается. Я не дышу, даже не моргаю, кажется. Просто стою и смотрю на него, а в голове вихрем проносятся воспоминания.

Его руки на моей талии после ночного дежурства.

Его губы на моей шее в пустой ординаторской.

Его голос: «Останься...»

И потом — другой разговор, подслушанный случайно.

«Надеюсь, интрижками на рабочем месте ты себя не занял? Не порть себе репутацию, Левин. У тебя впереди прекрасное будущее».

«Разумеется, никаких интрижек, Олег. Я умею сделать правильный выбор между карьерой и менее существенными вещами».

— Морозова? — голос Ярослава выдергивает меня из омуты воспоминаний.

Мысленно себя одергиваю и уверенно произношу:

— Да.

— Присаживайтесь.

Сажусь на краешек стула. Анна Сергеевна что-то говорит показывая мое резюме. Ярослав слушает, не сводя с меня взгляда.

— Спасибо, Анна Сергеевна. Я побеседую с Дарьей Владимировной лично.

Это звучит как приказ. Анна Сергеевна кивает и выходит. Мы остаемся одни.

Тишина давит на уши так, что мне кажется, сейчас перепонки лопнут.

— Ничего не хочешь мне сказать? — наконец спрашивает Левин.

Его голос все еще ровный, но я слышу напряжение под внешним спокойствием.

— Нет, — мне с трудом удастся не хрипеть.

— Значит, нет, — повторяет он. — И ты хочешь работать в моей клинике?

— Я... я не знала, — выдыхаю я. — Не знала, что это твоя клиника.

Это правда. Я даже не подумала поискать информацию о владельце клиники. Потому что вообще не ожидала, что встречу с Левиным.

До меня доходили слухи, что он уехал на стажировку за рубеж, и я не думала, что он вообще вернется в страну.

Ярослав откидывается на спинку кресла, смотрит на меня долгим оценивающим взглядом.

— А если бы знала?

— Если бы, да кабы... Зачем гадать? Я здесь, и клиника твоя. Давай принимать решения по факту, – произношу это и с вызовом смотрю на Ярослава.

— По факту, говоришь... Окей. По факту, ты хороший врач, Даша. И Анна хвалит твое резюме. А за последние два года она ни разу не ошиблась в выборе работника. — Пауза. — Поэтому, я возьму тебя. С испытательным сроком три месяца.

У меня перехватывает дыхание.

— Спасибо, я...

— Выходи на работу в понедельник, кадры оформят документы, – прерывает он меня.

— Благодарю.

Я встаю и на ватных ногах иду к двери.

— Даша.

Оборачиваюсь.

Ярослав смотрит на меня, и в его глазах я вижу немой вопрос.

Почему?

— До свидания, Ярослав Михайлович, – я отвожу взгляд и выхожу из кабинета.

Только в лифте позволяю себе выдохнуть. Прислоняюсь к зеркальной стене и закрываю глаза.

Господи. Как же я так влипла?

Заезжаю в свою поликлинику и пишу заявление на отпуск

без содержания. Заканчиваю прием, когда в окнах серый январский день медленно переходит в сумерки. Выхожу на улицу, где снова идет мокрый снег, и понимаю — жизнь, которую я так тщательно выстраивала шесть лет, сегодня рухнула.

ГЛАВА 2

— Мам, ты чего такая грустная? — Рада дергает меня за рукав, когда мы выходим из садика.

— Устала просто, солнышко.

— А тебя взяли на новую работу?

— Взяли.

— Ура! — Рада подпрыгивает и тут же падает, поскользнувшись на обледенелом тротуаре.

Подхватываю ее, вытираю варежкой слезы. Она сопит носом, но уже улыбается — моя храбрая девочка. Никогда не ноет долго, даже если больно.

Вся в отца.

Эта мысль пронзает меня, как электрический разряд.

Я смотрю на Радку — на ее серые глаза, на упрямый подбородок, на привычку хмуриться, когда она сосредоточена. Боже, как же она похожа на него! Каждый раз, глядя на дочь, я вижу Ярослава. И каждый раз напоминаю себе, что это моя Радка, мое солнышко, и никакого отношения к Левину она не имеет.

Он сделал свой выбор шесть лет назад. Карьера важнее "менее существенных вещей".

Интересно, он сейчас помнит тот разговор? Или для него это была просто очередная фраза, брошенная в угоду началь-

ству?

А для меня — приговор.

— Мам, а мы сегодня будем пиццу делать? Ты обещала!

— Рада тянет меня к остановке.

— Будем, котенок. Обязательно будем.

Дома, пока Рада увлеченно раскатывает тесто, я пытаюсь сосредоточиться на готовке. Но мысли возвращаются к сегодняшней встрече.

Ярослав изменился.

Стал жестче — в движениях, во взгляде, в том, как держит спину. Более собранный, уверенный в себе до спокойной опасности.

Темные волосы подстрижены короче, чем раньше, и это только подчеркивает резкие скулы. Серые глаза — более холодные и внимательные. Но в них по-прежнему легко потеряться, и я злюсь на себя за эту мысль.

Теперь Левин носит бороду. С ней он выглядит старше, мужественнее... и, черт возьми, сексуальнее, чем шесть лет назад.

Дорогой костюм сидит безупречно, часы неброские, но статусные. И те же чувственные губы, которые я помню слишком хорошо...

Так, не туда ведут мысли!

Я поискала в интернете информацию, Левин теперь — главный врач сети клиник — он добился того, чего хотел, построил медицинскую империю.

А вот я... Я шесть лет перебивалась с хлеба на воду, снимала эту убогую однушку на окраине, ездила в переполненных автобусах, экономила на всем, лишь бы Раде хватало на нормальную еду и одежду.

И ни разу не пожалела.

Смотрю на дочку, которая старательно размазывает томатный соус по тесту, и понимаю — не пожалела ни секунды. Потому что она — лучшее, что случилось в моей жизни.

— Мам, смотри, какая красивая! — Рада показывает мне пиццу, украшенную оливками в виде смайлика.

— Красавица, — целую ее в макушку. — Сейчас в духовку отправим.

Вечером, когда Рада наконец засыпает — после пиццы, мультиков, сказки на ночь и трех попыток выпросить "еще пять минуточек", — я сижу на кухне с чаем и пытаюсь осмыслить ситуацию.

Понедельник — первый рабочий день.

Три месяца испытательного срока.

Три месяца я должна работать с Ярославом и делать вид, что между нами ничего не было. Что я не помню каждое прикосновение, каждый поцелуй и каждое "останься со мной".

Что у меня нет его дочери, которая спит сейчас в соседней комнате.

Телефон вибрирует на столе. Незнакомый номер, но я беру трубку.

— Слушаю.

— Дарья Владимировна? — Голос Ярослава я узнала бы из тысячи. Низкий, с легкой хрипотцой, пробирающийся под кожу до самых нервов. — В понедельник нужно прийти до девяти. У нас планерка по понедельникам, заодно и с коллективом познакомишься.

— Хорошо, — отвечаю я как можно ровнее, хотя сердце колотится, как сумасшедшее.

— И еще. — Пауза. — Надеюсь, ты оставила в прошлом привычку внезапно увольняться и исчезать.

— Не беспокойтесь, в прошлом я оставила много чего, — отвечаю я холодно.

— Отлично. До понедельника.

Он сбрасывает звонок.

А я сижу, уставившись в телефон.

Сказать-то легко, а вот забыть.... Особенно когда это прошлое сейчас спит за стенкой и сосет во сне палец.

Моя Радушка. Ей через полтора года в школу. Нужны будут деньги на форму, на учебники, на кружки. Нужна нормальная квартира, а не эта темная коробка на окраине.

Именно поэтому я и пошла на это собеседование.

Именно поэтому не могу отказаться от этой работы, даже если рядом будет виновник всего, что со мной произошло.

— Всё будет хорошо, Радушка, — шепчу я. — Мама справится. Он не узнает.

Но даже я себе не верю, потому что Левину достаточно будет одного взгляда на Радугу, чтобы понять, от кого я ее ро-

дила.

Рано или поздно он увидит. И тогда...

Не хочу об этом думать.

Ложусь в кровать, но сон не идет. Ворочаюсь, вспоминаю тот вечер шесть лет назад.

Как я собралась сказать ему о беременности. Как надеялась, что он обрадуется, что скажет "мы справимся, я рядом".

А потом услышала его разговор с главврачом.

"Менее существенные вещи".

Интрижка.

Запятнать репутацию.

Я поняла тогда, что для него наши отношения — лишь короткий роман заведующего отделением с молоденькой девушкой-врачом. Незначительный эпизод, который нужно скрыть, забыть и вычеркнуть.

Я написала заявление на перевод и уехала к маме в Псков. Родила там Раду. Но жить с мамой оказалось невозможно из-за ее ежедневных упреков в том, что я нагуляла ребенка и притащила обузу в дом, что ей стыдно перед соседями и перед всеми знакомыми, что я пошла в гулящего отца, который не пропускал ни одной юбки и далее в том же духе.

Когда Радужке исполнился год, и я отменила грудное вскармливание, мы уехали обратно в Питер. На пособие матери-одиночке и декретные, которые я берегла, удалось снять комнату в коммуналке. Дочку устроила в садик, а сама вышла работать в поликлинику участковым педиатром.

Начала жизнь с нуля.

Без Левина.

И вот теперь он снова рядом.

Засыпаю только под утро, а в шесть уже звонит будильник.

Встаю разбитая, готовлю Раде завтрак и собираю ее в садик. Она капризничает — не выпалась.

— Мама, не хочу в садик!

— Радужка, ну пожалуйста. Маме нужно на работу.

— А я хочу с тобой!

В другой день я бы уступила. Взяла с собой в поликлинику, медсестры обожают мою девочку и вечно балуют. Но взять Раду с собой к Левину я не могу.

— Котенок, сегодня никак. Но я обещаю — заберу пораньше, и мы пойдем в парк. Покормим белочек. Хочешь?

Рада морщит носик — совсем как Ярослав, когда думает, — а потом кивает.

— Ладно. Но ты правда заберешь рано?

— Правда-правда.

Завожу ее в садик, целую и бегу на остановку.

В клинике я без десяти девять. Анна Сергеевна встречает меня улыбкой и проводит в конференц-зал.

Здесь уже человек десять — заведующие отделениями, старшие врачи. Все разговаривают, пьют кофе из автомата.

А потом входит Ярослав, и разговоры стихают.

Он здоровается, начинает планерку. Отвечая на один из вопросов кого-то из врачей, Левин привычно хмурит брови

— и я вижу в этом жесте свою дочь.

Господи, как же они похожи.

— Дарья Владимировна, — вдруг обращается ко мне Ярослав, и я вздрагиваю. — Представьтесь коллегам.

Встаю, чувствуя, как краснеют щеки.

— Дарья Морозова, педиатр. Буду работать в детском отделении.

— Добро пожаловать в команду, — говорит кто-то из врачей.

Планерка продолжается еще полчаса. Потом все расходятся, а меня просят остаться.

Мы остаемся в конференц-зале вдвоем.

— Рабочий день у тебя с девяти до шести, — говорит он, глядя не на меня, а в окно. — Обеденный перерыв час. График дежурств составляет Анна Сергеевна, но я хочу, чтобы ты первый месяц не дежурила — пока не освоишься.

— Спасибо, — тихо благодарю я.

— Это не одолжение. Я забочусь о репутации клиники. Мне нужны врачи, которые не делают ошибок из-за усталости.

Пауза.

— Если возникнут сложности — обращай к Анне Сергеевне. Или сразу ко мне. Анна покажет твой кабинет.

Выхожу из конференц-зала на подкашивающихся ногах.

Я ко всему могу привыкнуть и подстроиться под любой график.

Главное — чтобы он не узнал про Раду.

Потому что если он узнает, что у него есть дочь... Я даже представить боюсь, что будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.